

Многочисленные пиры, на которых Ци Цзяньсы пытался сблизиться с Лу Сяо, заканчивались раздражением, и их отношения оставались в подвешенном состоянии.

Он никогда не думал, как описать Лу Сяо. Для него он всегда был человеком, который казался легкомысленным, но иногда проявлял глубину, не соответствующую внешности. Он хотел сказать, что Лу Сяо — хороший чиновник, но вспомнил, что тот служит всего пару лет, и это звучало бы слишком опрометчиво. Слова застряли у него в горле, и в итоге он сказал:

— Господин Лу — хороший человек.

Оба невольно пропустили этот момент, но лежащий «хороший человек» внезапно пошевелился.

Лу Сяо считал, что у него неплохая выносливость к алкоголю, но когда его начали поить чашами, он понял, что это лишь иллюзия. Войдя в зал, он сразу понял, что это не обычная встреча коллег. Лу Сяо мог бы оставаться непреклонным, но если бы он не вмешался, его принципы потеряли бы смысл. Цао Цинъюнь намеревался довести его до потери рассудка, и неважно, действительно ли он «потеряет» его.

Помимо чиновников из Министерства налогов, Цао Цинъюнь привёл с собой несколько бездельников. Лу Сяо, слушая их смех и тосты, всё же умудрялся думать. Например, что Цао Цинъюнь хочет заставить его сказать что-то непочтительное, или довести до болезни, чтобы он не мог заниматься делами, или просто уложить с какой-нибудь куртизанкой.

Размышляя, он наконец дождался Нин Хуая. Лу Сяо, в полузабытьи, почувствовал, что его поддерживают Сяо Тан и Цинчжу, слуги Нин Хуая. Нин Хуай стоял напротив, а кто поднял перед ним чашу?

Он не знал.

Карета медленно ехала, и Лу Сяо, привыкший к близости с Нин Хуаем, снова уснул на его коленях. Колёса наехали на камень, и Лу Сяо проснулся.

Он с трудом открыл глаза, влажные ресницы скрывали его взгляд. Лу Сяо знал, что лежит на коленях Нин Хуая, и беззаботно перевернулся, пробормотав:

— Сяо Хуай, дай мне поспать, потом поедем домой, хорошо?

Перевернувшись, он вдруг понял, что в карете, кроме Нин Хуая и него, есть ещё один человек.

Лу Сяо растерянно посмотрел на противоположную сторону и вдруг прижался к Нин Хуаю, покраснев.

Нин Хуай, увидев его состояние, почувствовал головокружение. Он никогда не видел Лу Сяо

пьяным, но знал, как тот ведёт себя в таком состоянии! Нин Хуай быстро попытался закрыть ему рот ладонью, но не успел.

— Вода, как нефрит, прекрасна, как персик, волосы собраны в нефритовую корону... какая красивая сестра...

Всё пропало.

Когда они только познакомились, Нин Хуаю ещё не было пятнадцати, и они часто спали вместе. Нин Хуай просыпался раньше и ждал, пока Лу Сюэхань постучит в дверь, чтобы Лу Сяо наконец открыл глаза. Но открытие глаз не означало, что он проснулся. Нин Хуай вспомнил неловкий момент, когда Лу Сяо, глядя на своего старшего брата, сказал:

— Откуда взялась эта холодная красавица?

Нин Хуай испугался, но Лу Сюэхань не обратил внимания. Пятнадцатилетний Нин Хуай подумал, что бы было, если бы он сказал своему старшему брату Нин Ду... Нин Хуай не решился додумать.

Нин Хуай, сохраняя серьёзность, попытался спасти ситуацию:

— Господин Ци, Асяо пьян, не обращайтесь внимания на его слова.

Ци Цзяньсы медленно произнёс:

— Не беда.

Лу Сяо, закончив свои безумства, снова уснул, не обращая внимания на неловкость в карете. Нин Хуай откинул занавеску и приказал кучеру ехать быстрее, после неоднократных извинений он доставил Ци Цзяньсы к воротам Дома Ци.

Ци Цзяньсы не спешил войти, наблюдая, как карета Дома Нин удаляется, и начал сомневаться, зачем он вообще вмешался.

Лу Сяо проснулся.

Холодный красавец-брат сидел за столом и что-то писал, заметив движение Лу Сяо, он обернулся и спокойно сказал:

— Сходи на кухню и выпей тёплый отвар от похмелья.

В комнате горели свечи, Лу Сяо поднялся и открыл окно, за которым была тьма. Видимо, он проспал до ночи. Он рассчитывал поспать в карете Дома Нин пару часов и вернуться домой бодрым, но проспал гораздо дольше.

Лу Сяо кивнул и послушно ответил:

— Брат, иди спать, я выпью отвар и лягу.

Лу Сюэхань не возражал, продолжая писать. Лу Сяо, смущённо, мягко сказал:

— Всё в порядке, я умный, перед тем как пойти в «Юэцзянлоу», я предупредил Сяо Тан из Дома Нин, чтобы она могла позвать Нин Хуая. Видишь, я в порядке.

Ручка в его руке замерла, и он сказал:

— А если бы господин Нин не успел?

Лу Сяо знал, что он не прав, и опустил голову.

— Ты знаешь, какой сегодня день?

— Второй день двенадцатого месяца... нет, третий, сейчас уже после полуночи.

Лу Сюэхань посмотрел на него:

— Сегодня четвёртый.

Лу Сяо резко поднял голову, глаза полные удивления:

— Я спал больше суток?

— Да. В том вине, что тебе подливали, было что-то, и если бы ты выпил ещё, что бы с тобой было?

— Брат, я виноват.

Лу Сяо опустил голову, быстро признав свою вину.

Лу Сюэхань погладил его по голове:

— Ладно, в следующий раз будь осторожнее.

Затем он заколебался, и Лу Сяо, прижавшись к его ладони, тихо сказал:

— Говори, я слушаю.

— ...Нет, я не буду тебя ругать. Господин Нин приходил к тебе вечером, ты ещё спал, и он попросил передать тебе.

Лу Сюэхань продолжил:

— В Министерстве налогов нашли какую-то причину, чтобы ты следующие три месяца оставался дома и не ходил на службу.

Лу Сяо даже вздохнул с облегчением.

— Это даже хорошо. Я не буду делать то, что против моей совести, и Цао выпустит пар. Не беспокойся, за два года я скопил достаточно, чтобы прожить три месяца.

Лу Сюэхань кивнул, убедившись, что он выпил отвар, и ушёл.

В соседней комнате Лу Сюэхань держал в руках лист бумаги, хотя уже прочитал его содержание, он всё же колебался, прежде чем уничтожить его. Он изначально отложил Цао Фучжуна на потом, но тот сам протянул руку к Лу Сяо, возможно, не без помощи других, но он не позволит, чтобы Лу Сяо пострадал напрасно.

Лу Сяо видел, что он не писал, а многократно выводил имя Цао Фучжуна.

За полмесяца Нин Хуай приходил к нему чаще обычного, и Лу Сяо повторял снова и снова, что он действительно не против остаться дома. Не нужно сталкиваться с неприятными людьми и беспокоиться о мести Цао Цинъюня, всё хорошо, кроме потери жалования.

Сегодня пришёл неожиданный гость.

Ци Цзяньсы не интересовался внутренними разборками в Министерстве налогов, но на следующий день он снова встретил Нин Хуая и узнал, что Лу Сяо всё ещё без сознания. Естественно, он также узнал, что Лу Сяо отстранили от службы на три месяца.

Цао Цинъюнь не посмел бы сделать что-то с ним, но это не значит, что он поступил бы так же с Лу Сяо.

Ци Цзяньсы начал думать, что ему стоит навестить Лу Сяо, который теперь без жалования, в подавленном состоянии и сидит дома. Эта мысль не давала ему покоя, пока он наконец не решился и не спросил у Нин Хуая адрес Лу Сяо.

Недавно в Чанъане выпал первый снег, и конец улицы Чанъань был покрыт белым инеем, тихо слушая шаги Ци Цзяньсы.

Он пришёл один, без слуг, и, следуя указаниям Нин Хуая, постучал в деревянную дверь.

На пороге стоял худощавый мужчина лет двадцати пяти. Ци Цзяньсы, глядя на него, понял, что это не слуга, но и не Лу Сяо, и осторожно спросил:

— Вы — старший брат господина Лу? Меня зовут Ци Цзяньсы, я коллега господина Лу. Не

видел его на службе несколько дней, могу ли я с ним поговорить?

<http://bllate.org/book/15439/1369295>